

Менуаров
великий

я,

ЛУЧАНО
ПАВАРОТТИ,

ИЛИ ВОСХОЖДЕНИЕ К СЛАВЕ

Мемуары великих

Лучано Паваротти

**Я, Лучано Паваротти,
или Восхождение к славе**

«Алисторус»

2014

Паваротти Л.

Я, Лучано Паваротти, или Восхождение к славе / Л. Паваротти — «Алисторус», 2014 — (Мемуары великих)

Этот лучезарный человек с исключительным бельканто, чья слава вышла за пределы оперного круга и получила признание миллионов далеко не всегда страстных поклонников оперы, стал легендарным еще при жизни. Судьба Лучано Паваротти складывалась, казалось бы, более чем счастливо. Он выступал в крупнейших театрах мира с триумфальным успехом, получал самые высокие гонорары, пел то, что хотел, публика неизменно принимала его с восторгом. Так ли прост был его путь на Олимп, всегда ли ему улыбалась удача? Знаменитый итальянский тенор признавался, что не раз переживал времена депрессий и долго не мог избавиться от подавленного состояния. Эта ранее не издававшаяся в России книга воспоминаний, основанная на мемуарах самого артиста, во многом приближает к нам личность великого из великих наших современников.

© Паваротти Л., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Предисловие	5
Лучано Паваротти	12
Детство в Модене	12
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лучано Паваротти Я, Лучано Паваротти, или Восхождение к славе

Предисловие

Когда все переговоры о создании этой книги практически завершились и нам с Лучано Паваротти оставалось лишь подписать контракт о сотрудничестве, он неожиданно изумил всех заявлением, что не хочет быть соавтором. Он готов принять самое активное участие в работе над книгой только как третье лицо, но автором книги должен значиться только я, Уильям Райт.

Такое решение повергло в немалое замешательство главного редактора и литературных агентов, которые целый год готовили наш контракт.

Моя первая реакция была вполне естественная, какую и следует ожидать от писателя, – никаких дуэтов, конечно, лучше соло. Но при более спокойном размышлении пришлось умерить свое тщеславие.

Поклонники Лучано Паваротти хотят познакомиться с ЕГО видением событий, составляющих неповторимый жизненный опыт, узнать его взгляд на них, изложенный им самим, а не другим человеком.

Думаю, они правы. И в самом деле, автобиографии великих людей обычно отличаются такой убедительностью, какой не обладают даже самые скрупулезные и дотошные исследования специалистов. Помимо всего, Паваротти предлагал выпустить книгу, вовсе не похожую на ту, какую хотели получить издатели.

Всеобщая растерянность вылилась в дружный хор: «Но почему?»

– Так вот, – задумчиво проговорил Паваротти, – я считаю, что в биографии должны быть отражены не только положительные, но и отрицательные эпизоды моей жизни.

В этом весьма примечательном ответе весь Лучано Паваротти. Он скромнен, склонен к самокритике и нечасто доволен собой. Но, в то же время, он гордится своими успехами и благодарен судьбе за то, что она одарила его столь редким талантом. Поэтому при всей своей чрезмерной скромности он не хотел бы впасть и в другую крайность – свести на нет все положительное и слишком выпятить негативные моменты.

Паваротти знает, чего хочет, и в то же время понимает, что некоторые особенности его характера могли бы помочь ему победить в споре с издателями.

Однако, едва заметив растерянность, вызванную его предложением, он сразу же согласился оставить все так, как условились поначалу. И эта книга с ее личностной основой, дополненной другими голосами, – компромисс, к которому мы пришли. Тогда же я заверил певца, что как соавтор не позволю ему вынести на обозрение публики чересчур самокритичный автопортрет.

После года совместной работы берусь со всей определенностью утверждать, что только «негативная» книга и в самом деле получилась бы совсем тоненькой.

В подробном изложении событий его жизни положительные моменты определенно преобладают. Начав с весьма незаметных первых шагов, Паваротти пришел к тому, что стал одним из величайших певцов века.

Он упорно трудился в течение многих лет, совершенствуя свой вокал, и еще больше приложил усилий для карьерного роста. Достиг вершины в профессии певца, заслужив любовь и уважение коллег и огромнейшего числа поклонников во всем мире. Он стал лучшим в своем искусстве, где требования особенно велики и своеобразны, хотя и сохранил другие, отнюдь не музыкальные увлечения, такие, например, как живопись, теннис, автомобили, кулинария. И наконец, он – глава большой и очень дружной семьи, и одно из его самых сильных желаний – упрочить ее.

Так где же тут хоть какие-то отрицательные моменты? Для соавтора, который ни на минуту не забывает о коммерческом успехе книги, эта нескончаемая череда всего самого лучшего создает другую, противоположную, проблему: вдруг обнаруживается, что слишком мало в его жизни чего-то «отрицательного». А возможно ли написать интересно и увлекательно о сорока годах одних только побед? Как говорят в Беверли-Хиллз¹, «где же тут драматургия?».

¹ Город в США, штат Калифорния. – *Ред.*

Неповторимая улыбка Лучано Паваротти

Конечно, Паваротти тоже досталась неизбежная доля неприятностей. Но очень скоро я понял: трудные времена – не самое главное, что может вызывать интерес в жизнеописании, когда его героем и, в то же время, гидом, ведущим по счастью, оказывается умный, твердо стоящий на земле человек, который не только погружает нас в атмосферу оперного театра, но и немало помогает нам своим жизненным опытом, приобретенным от рождения по сей день.

И то, что мой герой-ведущий – один из самых великих теноров века, лишь вызывает еще большее уважение к нему, его душевному миру, остроте ума и восприимчивости и, самое главное, – позволяет лучше понять, с какой необыкновенной ясностью он видит собственное, столь сокровенное искусство и понимает, насколько уникально его положение в нем.

Излишнее подчеркивание негативных моментов – не единственное опасение Паваротти. Певец не хотел допускать и другого – чтобы его биография, подобно жизнеописаниям многих коллег, превратилась в реестр сценических триумфов. Как он сам говорил мне, подобное встречается настолько часто, что можно подумать, будто эти великие певцы, фиксируя каждый свой успех на бумаге, надеются обессмертить все полученные ими оvationи. Это было бы, заметил Паваротти, все равно, что просить читателей слышать одни только аплодисменты без самого исполнения.

С другой стороны, в жизни певца происходило очень много интересного, о чем можно вспомнить, не тратя времени на описание восторгов публики и пересказы восхвалений критиков по всему миру.

Вот почему мы пришли к единодушному мнению, что в книге необходим наиболее полный рассказ о личной и артистической судьбе певца, дабы порадовать самых пылких его поклонников, и, в то же время, должно быть уделено внимание и многим другим, чисто творческим вопросам, таким, например, как феномен тенора, размышлениям о пении, о жизни современной оперы, ее представителях, об искусственном «создании» крупных талантов, характерном для второй половины двадцатого века.

Но более всего, как я убедился вскоре, книга должна представить читателям живой образ певца – необыкновенную личность Лучано Паваротти. Разумеется, такую задачу ставит перед собой автор любой биографии, но, когда речь идет о Паваротти, я убежден, ключ ко всему повествованию – в еще большей мере даже, чем фантастический голос, – это личность певца.

Наблюдая великих певцов нашего времени, небезынтересно отметить, что многих обладателей великолепных голосов широкая публика, хоть и любящая оперу и всегда жаждущая встречи с гигантами и героями, не слишком жаловала. Так Кирстен Флагштадт, Аурелиано Пертили, Лауриц Мельхиор, Зинка Миланова, Элен Траубле – и это лишь некоторые имена, – несомненно, вокальные феномены первой величины, все же не нашли у широкой публики достаточного признания.

Это, разумеется, больше говорит о публике, чем о таланте названных певцов, хотя, я уверен, кое-что сообщает и о них, особенно, если сравнивать их с теми, чья известность вышла за пределы оперного круга и получила признание миллионов людей, не являющихся страстными любителями оперы. К этой категории принадлежат Энрико Карузо, Джон Маккормик, Марион Андерсон, Мария Каллас и... как никто из них – Лучано Паваротти.

Очевидный факт, что некоторые великие певцы не пользовались особой любовью широкой публики, наводит на мысль, что сам по себе исключительный голос имеет успех только у знатоков и любителей оперы.

В то же время всемирная известность других выдающихся исполнителей свидетельствует о том, что публика – даже та, что предпочитает слушать Боба Дилана и Джейн Джолейн, – отнюдь не глуха и к голосам бельканто, она лишь нуждается в чем-то еще.

Я убежден, это «что-то еще» и есть достойная восхищения, легко узнаваемая личность исполнителя. Мало того, подозреваю, что чем более могуч талант великого певца, тем чаще часть слушателей жаждет получить от него нечто большее, чем то, что вложил в свой художественный замысел композитор.

Иными словами, если безупречный, не лишенный обаяния голос трогает далеко не всех слушателей, то, очевидно, существует некое волшебство, благодаря которому возникает настоящий контакт между великими, яркой индивидуальности певцами и самой широкой публикой.

Именно он, этот контакт, и рождает восторг перед таким почти сверхчеловеческим чудом, как редкостный вокальный дар.

Это наиболее глубокий уровень общения, возникающий в самом сердце великого вокального искусства.

В книге «Великие певцы» Анри Плезан пишет об Энрико Карузо:

«Его секрет заключается не только в голосе и не в том необыкновенном, возможно, интуитивном чувстве формы, с каким певец моделирует каждую фразу, исполняя любой романс и арию, а скорее в том, что у Энрико Карузо изумительный голос соединяется с замечательной натурой».

Возможно ли, чтобы широкая публика гораздо лучше знатоков и любителей оперы улавливала то, что является самой сутью великого искусства?

Одна из тайн вокального искусства состоит в его, так сказать, «независимости». Талант певца не нуждается ни в клавиатуре, ни в струнах, ни в полотне, ни в глыбах мрамора. Певец может без какого-либо антуража стоять на вершине горы и дарить миру подлинную красоту, нечто прекрасное, что созидает культуру и творит историю.

Подобно супермену, умеющему без каких-либо приспособлений летать в фантастических фильмах, певцу не нужна никакая экипировка, никакая особая обстановка: всякий раз, когда

у него возникает необходимость или желание петь, голос и вокальный талант в полном его распоряжении.

Но и эта своеобразная особенность, похоже, лишь усиливает у слушателей потребность видеть в человеке, обладающем ею, яркую, завораживающую личность. Встретившись со столь редким и выразительным даром, слушатель становится более восприимчивым не только к тому, что несет ему исполнитель – к музыкальному произведению, – но и к самому певцу, творящему эту музыку.

Понимая, как важно для певца быть личностью, надо ли удивляться, что многие современные великие голоса столь редко обладают яркой, неповторимой индивидуальностью – не в пример тому, как бывало прежде.

В истории оперы сколько угодно личностей – от «темпераментного» Энрико Карузо (до боли сжимавшего ладонь сопрано во время дуэта) и остроумного Лео Слезака («Когда уходит вдаль последний лебедь?») до экстравагантного Луиджи Равелли, который мог отменить спектакль, если его собака Ниагара рычала в то время, когда он пел вокализы перед выходом на сцену.

Современные оперные певцы в основной своей массе – профессионалы, работающие много и упорно, не позволяющие себе капризов и причуд. Даже звезды вокала ведут себя теперь уже не столь развязно и вызывающе, как некоторые их коллеги, сияющие в других сферах искусства, где по достижении ими астрономических высот приходится вводить самую суровую дисциплину.

Для успешной карьеры и решения экономических проблем великому певцу требуется помощь немалого числа сотрудников. Это театральные агенты, импресарио, критики, вокальные педагоги, секретари, отоларингологи, другие врачи, астрологи. Одних только трудностей, связанных с финансированием и организацией их работы, уже достаточно, чтобы лишить радости даже самого жизнестойкого и энергичного человека.

Немаловажно, что у современных певцов в отличие от вокалистов былых времен есть возможность благодаря самолетам в кратчайшие сроки перелетать с одного конца Земли на другой. Великие певцы прошлого обычно довольно продолжительное время – несколько недель или месяцев – выступали в одном оперном театре, а затем обязательно отправлялись куда-нибудь отдохнуть, прежде чем начать столь же длительные гастроли на новой, не менее значимой престижной сцене.

Сегодня же, едва спев один спектакль, тенор или сопрано с мировой славой вскакивают в машину, ожидающую у театра, и мчатся в аэропорт, на ходу подписывая контракты с еще несколькими импресарио на одно-два представления, нередко даже не запоминая, в каком именно городе, где тоже будет очень мало времени на репетиции перед выходом на сцену.

Возможно, дело вовсе не в том, что современным певцам недостает сил, просто они слишком часто подвержены стрессам.

Даже те из них, кто отличается живым характером, нередко стараются скрыть это качество, как бы опасаясь принизить свое артистическое достоинство.

И действительно, интервью с этими звездами вокала обычно походят скорее на отвлеченные диалоги с неким абстрактным Духом искусства, нежели на разговор с живыми, реальными людьми, имеющими такой же аппетит и те же неприятности, что и простые смертные.

В контрасте с этими августейшими персонами жизнерадостность и непосредственность Паваротти подобна порыву веселого и достаточно сильного ветра, который и позволяет ему вырваться за пределы оперного театра и объять весь мир.

Каждый, кто беседовал с ним, не мог не заметить, что Паваротти – необыкновенно яркая личность, обладающая неповторимой индивидуальностью. А именно это и означает «соединять изумительный голос с замечательной натурой».

Так стоит ли беспокоиться о равновесии положительных и отрицательных моментов в нашей книге? Проблема совсем не в этом. И не в том, чтобы подробно рассказать, как складывалась его фантастическая карьера, – это получится само собой.

Нет, прежде всего, мы хотим раскрыть именно необыкновенную личность певца, которая неотделима от его искусства – именно она дарит радость нашему времени, точно так же как голос певца делает его прекраснее.

Рассказать о сорока четырех годах жизни человека – это всегда нелегкая задача, а когда имеешь дело с Лучано Паваротти, трудностей становится еще больше.

Он достиг вершины славы, сделав одну из самых необыкновенных за всю историю нашего столетия карьер, причем, пожалуй, в самой сложной сфере человеческой деятельности.

Лучано по натуре человек, который очень бурно и активно проживает каждое мгновение жизни. Поэтому и все, что не имеет прямого отношения к его профессии, тоже совершенно необходимо ему, особенно когда нужно принимать сложные решения, касающиеся будущего.

Как соавтор певца в работе над этой книгой, я очень скоро понял, что бесед только с ним недостаточно. Поэтому, чтобы поменьше терзать его память, я старался встретиться со многими людьми, которые играли более или менее важную роль в его жизни. Я разговаривал с его близкими, друзьями, коллегами и весьма быстро обнаружил, как много любви и уважения сумел завоевать Паваротти за годы своей карьеры.

Примечательно – и это еще одна дань ему как человеку, – что люди, столь близкие певцу, без колебаний сочетали некоторую критику или сетования с признанием в любви. Артисты с такой славой, как у Паваротти, рискуют оказаться в окружении льстецов либо клеветников. К счастью для книги и для Паваротти, это не тот случай.

Первая, кого в числе многих я должен благодарить, это его необыкновенная супруга Адуа, выполнявшая роль семейного архивариуса, которую я подверг поистине тяжкому испытанию и которая неизменно с усердием отвечала на все мои просьбы.

Горячо благодарю также родителей певца Аделе и Фернандо Паваротти, его сестру Габриеллу и трех его дочерей – Лоренцу, Кристину и Джулиану. Все они превзошли известное своей теплотой итальянское гостеприимство, приняв вторгшегося в их дом незнакомца и проявив бесконечное терпение к его ужасному итальянскому языку.

В завершение перечислю всех, кого хочу поблагодарить за помощь в работе над этой книгой. Хотя степень их участия весьма различна, все они выражали одинаковый восторг объектом разговора и такую горячую готовность помочь, о какой биограф может только мечтать.

Назову их имена: Эдвин Бахер, Катрин Байер, Марияроза Беттелли, Умберто Боери, Ричард Бонинг, Боон, Стенли А. Боукер, Герберт Бреслин, Кирк Броунинг, Марио и Соня Буццолини, Антонио Кальярини, Боб и Джон Кахен, Моран Капла, Чезаре Кастеллани, Микеле Честоне, Джордж Кристи, Роберт Конноли, Джон Копленд, Джулия Корнуэлл-Ли, Вильям и Эйлисон де Фриз, Артуро Ди Филиппи, Джильдо Ди Нунцио, Мак де Шонси, Джузеппе Ди Стефано, Джуди Дракер, Мирелла Френи, Джон Гоберман, Кетлин Харгрейве, Роберт Герман, Мирли Хьюбард, Джон Хард, Джоан Ингпен, Роберт Якобсон, Натан Кроль, Ричард Маникелло, Стефен Маркус, Вальтер Палевода, Арриго Пола, Джудит Раскин, Мадлен Рене, покойный Френсис Робинсон, Ричард Роллефсон, Сусанна Стивенс, Алан Стоун, Сусанна Сусман, Джоан Сазерленд, Аннамария Верде, Петер Вейнберг, Джон Хьюстман.

Уильям Райт

Популярность Паваротти вышла за пределы оперного круга – среди миллионов его поклонников далеко не одни страстные любители оперы.

Лучано Паваротти

Детство в Модене

Детство мое помню очень счастливым. Наша семья отнюдь не отличалась богатством, но я и представить себе не мог, что можно быть богаче. Жили мы в большом здании на окраине Модены, где насчитывалось тогда примерно сто десять тысяч жителей. Из окон нашего дома виднелись только поля и лес – великолепное место для раздолья ребенку. В доме жило еще шестнадцать семей. И все – друзья или родственники.

Наша квартира находилась на втором этаже и состояла всего из двух комнат для папы с мамой и меня. Сестра Габриелла родилась, когда мне исполнилось уже пять лет. С тех пор мне ставили на ночь раскладную кровать на кухне, утром убрали ее и вечером опять раскладывали. Если б я мог отыскать сейчас эту раскладушку, заплатил бы за нее на вес золота. Сколько воспоминаний она вернула бы мне!

В двух квартирах нашего дома – в одиннадцатой и тринадцатой – вместе с нами жили еще две мои тетушки и бабушка по материнской линии, так что я находился в окружении обожавших меня родственников.

В том далеком детстве, куда добирается моя память, я неизменно вижу себя объектом любви и бесконечного внимания. Среди всех, кто любил меня, главная фигура, конечно, бабушка Джулия. Чудесная женщина, и я тоже обожал ее. Бабушка потеряла дочь Люцию, сестру моей матери, вскоре после моего рождения. Меня назвали Лучано в память об умершей тетушке, и, думаю, именно тем, что я появился на свет как раз тогда, когда дочь бабушки покинула этот мир, и объясняется ее особая любовь ко мне.

Бабушку помню волевой женщиной, которую все очень уважали и любили и к мнению которой весьма прислушивались. А мужа ее, дедушку, помню милейшим человеком, который, пожалуй, чересчур любил развлечения.

За бабушкой Джулией всегда оставалось решающее слово почти во всех семейных делах. Я слыл ее любимцем, а она – самым главным человеком в моей жизни.

Возможно, из-за ее волевого характера так вышло бы и при любых других обстоятельствах, но в ту пору моя мать работала, а присматривала за мной именно бабушка Джулия. Она редко сердилась на меня, почти никогда не заставляла и уж тем более не запрещала что-либо

делать. Она всегда обращалась со мной как с маленькой зверюшкой, с дорогой зверюшкой, наделенной душой.

Бабушка не училась в школе, но отличалась недюжинным умом и склонностью к философствованию. Типичная мамаша семейства: дом, дети и внуки составляли всю ее жизнь. Однако она нисколько не беспокоилась из-за того, что вытворял ее муж – а вытворял он ой-ой-ой! – но даже если бы и беспокоилась, все равно ничего не изменилось бы. Она никогда не упрашивала его остаться вечером дома. Он был, полагаю, большим донжуаном.

Феминистки сочли бы ее глупой. Но она сохраняла свою семью и была по-своему счастлива – гораздо счастливее, думаю я, многих свободных женщин. С бабушкой я чувствовал себя словно в раю. Она понимала меня и всегда защищала.

Словом, не только бабушка, но родители и тетушки тоже сделали мое детство таким счастливым.

Когда я появился на свет – 12 октября 1935 года, – то стал первым мальчиком, родившимся в этом доме за последние десять лет. Одно это уже превращало меня в маленького кумира. В округе подрастало еще около сотни ребятшек, но среди них я оказался самым маленьким ребенком, к тому же, еще и мальчиком. Все занимались мною, становясь на мою сторону всякий раз, когда возникала какая-нибудь размолвка. И позволяли мне делать все что угодно.

Думаю, именно потому, что все любили меня и без конца захваливали, я и вырос таким открытым, общительным человеком. Разумеется, в подобной обстановке я просто не мог расти робким и замкнутым. Мне нравилось вызывать у людей расположение, и я всячески старался сохранить доброжелательное отношение к себе.

Еще совсем малюткой я любил шутить, придумывать разные веселые сюрпризы или что-нибудь еще, чтобы оживить обстановку. Думаю, это нравилось многим в нашем доме, потому что соседи неизменно зазывали меня к себе за стол.

Мои родители даже жаловались иногда: «Вот уже четыре дня как Лучано не ужинает с нами, надо же ему, наконец, поесть и у себя дома!»

Мать долгие часы проводила на работе – на табачной фабрике, поэтому иногда становилось даже неловко оттого, что о моем питании заботились другие. Но и в те дни, когда мама оставалась дома, бабушка часто звала меня, вынуждая отказываться от приглашений соседей. Как сейчас слышу громкий зов на лестнице: «Лучано, иди к нам обедать!»

Моя мать всегда очень любила музыку. Она до сих пор воспринимает ее с необычайным волнением и по этой причине никогда не приходит в театр послушать меня. Опасается, что расплачется, услышав мой голос со сцены, и не выдержит такого волнения – от меня и от музыки.

Мама любит рассказывать, что, когда я родился и меня положили возле нее на кровать, врач воскликнул: «Мамма миа, какие верха!» Матери всегда припоминают подобного рода истории, если жизнь вынуждает их становиться прорицательницами. Мама говорит также, что голос я взял от отца, а чувство – от нее.

Моего отца зовут Фернандо. Он всю жизнь проработал пекарем. Я никогда не задумывался, богатая наша семья или бедная. Во всем необходимом у нас никогда не ощущалось недостатка. Конечно, я припоминаю, что радиоприемник мы купили спустя много времени после того, как он звучал уже у всех соседей, и у нас никто никогда даже не мечтал об автомобиле. Отцовский мотоцикл всегда служил нам семейным транспортом. Но я нисколько не думал о том, чего у нас не доставало, впрочем, как не забочусь об этом и сегодня. А вокруг вижу немало людей, которые портят себе кровь подобными заботами.

О будущем я и не задумывался. Какой ребенок размышляет о нем? Я жил себе день за днем и считал, что жизнь моя великолепна.

Самое главное, самое яркое мое воспоминание о детстве – это игры. Я постоянно играл. Ни один ребенок, думается мне, никогда не играл так много и с таким увлечением, как я.

Вокруг необыкновенный простор и столько приятелей! Каждую минуту, свободную от занятий в школе, мы проводили на воздухе в самых разных развлечениях, но чаще всего играли в... футбол. Я с ума сходил – да и сейчас схожу – по спорту.

Родители предоставляли мне полную свободу. Я мог, например, целый день гонять мяч, а вечером, когда они, садясь ужинать, звали меня из окна: «Луча-а-но!», я кричал им: «Иду, иду! Начинайте без меня!» Потом взлетал по лестнице в столовую, в один миг расправлялся с едой и снова уносился играть.

Не припомню каких-либо особо близких приятелей, не знал я и той великой детской дружбы, когда друзья готовы умереть друг за друга. В очень большой компании обычно все становятся товарищами, и они же – потенциальные враги. Я умел завоевывать расположение сверстников, но в то же время мог и сдачу дать.

Когда ты самый младший среди ребят постарше, нужно всегда быть готовым защищаться, и не только крепкими выражениями, но и кулаками. Никогда ведь не знаешь, от кого и когда ждать подножку. Всегда нужно быть начеку.

В том возрасте мы часто ссорились. Как самый младший, я немного побаивался «больших» ребят, но знал также, как вести себя с ними, чтобы не нарваться на неприятности.

С жильцами нашего дома я немного хитрил. Они старались держать меня подальше от своих «взрослых» дел, но у меня же имелись глаза и уши, поэтому я всегда прекрасно знал, что происходит в доме. Знал, какая девушка с кем гуляет. Какая-нибудь влюбленная парочка, к примеру, нисколько не стеснялась меня, полагая, будто я ничего не смыслю, но я-то все понимал, да еще как!

Правда, порой мне доводилось слышать нечто такое, чего я и в самом деле не разумел. Помню, мне исполнилось лет пять, когда я услышал, как кто-то произнес слово «аборт». По тому, как это прозвучало, я понял, что речь идет о чем-то важном, очень-очень взрослом. И умирал от желания узнать, что же это означает, но в таком небольшом сообществе, как наше, следовало вести себя очень осторожно. Я не знал, у кого спросить. А ошибись я, обратившись к кому-нибудь необдуманно, так ведь тот мог и закричать на весь дом: «Эй, послушайте! Этот дурак Паваротти не знает, что такое аборт!»

Любое событие становилось достоянием гласности буквально через три секунды. Наконец, в двенадцать лет я нашел это слово в словаре. Но еще очень долго ломал над ним голову, не отваживаясь спросить объяснений.

Мир, в котором я жил, оставался очень ограниченным в размерах. Главная проезжая дорога находилась недалеко – за несколькими зданиями, но мы редко ходили туда. Там собиралось много телег, лошадей и каких-то странных типов. В то время с незнакомыми людьми я держался застенчиво, может быть, поэтому мне и жилось так хорошо в моем маленьком мирке радиусом в пятьсот метров от дома.

С тех пор как помню себя, меня обуревала идея построить собственный аэроплан. Один наш сосед, работавший на фабрике, где изготавливали какие-то детали для самолетов, пообещал принести все необходимое для того, чтобы собрать дома летательную машину, настоящий самолет, который мог бы подниматься в воздух. Лет до восьми или десяти я не переставал верить его обещаниям и очень терпеливо корпел над проектом. Не знаю, куда я собирался лететь, но мечтал.

Сейчас, если бы кто-то предложил моим дочерям построить дома аэроплан, они и в пятилетнем возрасте рассмеялись бы этому человеку в лицо, так как отлично знают, что сделать такое невозможно. Но я отставал на целое поколение. Не то чтобы был глупее, просто наивнее и доверчивее. Думаю, я и до сих пор такой же.

Еще нам очень нравилось в детстве ловить лягушек и ящериц. Мы целые дни проводили в небольшой рощице неподалеку от дома. В Италии лягушки не поют, как в Америке. И это очень странно, потому что в Италии вообще все поет.

Мне исполнилось всего лет пять или шесть, когда я обнаружил у себя голос. Это оказалось довольно красивое контральто, но самое обычное, не более того. Меня не считали чудоребенком, но мне нравилось петь.

У отца моего изумительный тенор – голос его до сих пор еще необыкновенно красив, – и папа даже одно время подумывал о профессиональной сцене. Но вскоре отказался, опасаясь прежде всего, что у него не хватит для этого нервов. И сейчас еще, когда его приглашают петь соло в церкви, он начинает невероятно волноваться за целую неделю до этого события.

Вокальная музыка оставалась для него самым святым в жизни. Он приносил домой пластинки с записями всех великих теноров своего времени – Джильи, Мартинелли, Скипы, Карузо – и крутил диски до тех пор, пока они не приходили в негодность. Постоянно слушая эти великие голоса, я, конечно же, не мог не подражать им. Выходит, мне почти что пришлось стать тенором.

Я уходил в свою комнату, закрывал дверь и пел «Сердце красавиц...» во всю мощь своих легких – естественно, белым голосом. Из четырнадцати квартир – а всего их в доме шестнадцать – незамедлительно раздавалось: «Хватит! Замолчи!»

Это, конечно, странно, потому что, когда я был совсем маленьким – лет пяти – и выходил со своей игрушечной мандолиной к небольшому фонтану во дворе, садился возле него на скамеечку и пел жильцам серенады, никто не возражал. Они ценили мои короткие концерты – может быть, тогда я не так вопил – и бросали мне из окон карамельки или орехи. Так что же, значит, в пять лет я уже оказался профессионалом?

А вот когда через несколько лет я начал исполнять арии из опер, все вокруг дружно восстало. Вообще-то говоря, не так уж и все. Один человек сказал мне, что я стану певцом. Он не сомневается в этом, пояснил сосед, потому что у меня правильное дыхание.

В Модене все жители – знатоки бельканто, абсолютно все, мой отец, мой дед, мой парикмахер. У каждого свое совершенно четкое представление о вокальной технике. По крайней мере, один из соседей по дому услышал в моем детском голосе задатки для оперного пения.

Так или иначе, но тогда, в те далекие годы, мысль серьезно заняться пением мне еще не приходила в голову. Семья, друзья, спорт слишком заполняли мою жизнь, чтобы у меня появилась необходимость думать о будущем. А кошмар войны не сразу проник в этот мой идиллический мир.

Конечно, Вторая мировая война стала самым главным жизненным опытом в моем детстве, но на первых порах я даже не сразу и заметил, что она началась. Я был слишком мал, и до наших краев долетали лишь отголоски сражений.

Первое страшное впечатление я получил от боевых действий, когда на нас посыпались бомбы – вот это оказалось ужасно. В Модене находились металлургические и металлообрабатывающие заводы, и наш город оказался важным военным объектом.

Бомбардировки стали такими частыми, что нам пришлось покинуть родные места. Однако я хорошо помню первый налет. За час до него несколько самолетов сбросили дымовые пашки. Они послужили сигналом к тому, что вскоре разверзнется ад. У жителей оставалось шестьдесят минут, чтобы покинуть дома. Конечно, я безумно перепугался. Во второй налет нас и не подумали предупредить. Гул самолетов и разрывы бомб мы слышали почти одновременно.

Когда бомбардировки стали регулярными, отец решил, что нужно уехать из города, и мы сняли комнату у одного крестьянина поблизости от Карпи. Точнее, неподалеку от селения Гаргалло. Это произошло в 1943 году, когда мне исполнилось восемь лет.

С мамой и сестрой Габриеллой

Настоящая война шла далеко, на юге страны, а в наших краях действовало много партизанских отрядов, которые по ночам вели подпольную борьбу с немцами и итальянскими фашистами. Каждый вечер я засыпал под звуки автоматных очередей. Тра-та-та-та. И моим хорошим чувством ритма я обязан именно этим автоматным очередям, которые в детстве сверлили мне голову.

Война породила не только опасность, она принесла катастрофу почти всем итальянцам. Недоставало продуктов, и цены на них выросли неимоверно. Тут нам повезло больше, чем другим семьям, потому что отец мой – пекарь. Ему всегда удавалось принести что-нибудь домой, так что мы никогда не страдали от голода.

У нас имелись хлеб и соль, два самых важных продукта. Соли ужасно не хватало. Ее обменивали на все, что угодно. За полкило соли давали литр оливкового масла или два килограмма сахара. Посчастливилось нам и в том, что отца из-за его ремесла не призвали в армию.

А дедушка мой работал в Военной академии, и это тоже оказалось большим преимуществом, потому что он приносил домой то, что не съедали солдаты. Но самое главное, мой отец выпекал хлеб и для немцев, не только для местного населения. Нацистам требовался пекарь, они ценили его, и поэтому мы чувствовали себя в несколько меньшей опасности, чем остальные жители, не приносившие им никакой пользы.

Тем не менее, однажды вечером не помог и этот крохотный запас прочности. Немецкий патруль задержал отца, когда тот возвращался на велосипеде с работы. Поскольку в документах значилось, что он пекарь, его всегда пропускали беспрепятственно, однако на этот раз почему-то не поверили записи и отправили в тюрьму.

Ожидая отца, моя мать едва не умерла от волнения. Да мы все просто чуть с ума не сошли от тревоги. Вскоре кто-то сообщил нам, что немцы упрятали отца в камеру. После налета партизан нацисты собирались учинить расправу. Можете себе представить наш ужас!

Незадолго до этого мой дед приютил у себя одного беженца с юга, которого знал еще с Первой мировой войны. Обосновавшись неподалеку от Модены, тот сделался важной фигурой фашистской партии в нашем крае. Этот человек сохранил признательность моему деду.

Прежде чем начинать расправу, немцы всегда предоставляли последнее слово местным фашистам, тем, кто лучше знал политические пристрастия задержанных.

И тогда важный чин, знавший моего деда, тоже получил право решать судьбу пленных. Едва заведя среди заключенных моего отца, этот человек сразу же освободил его. Все произошло на другой день после ареста, но та ночь стала для нашей семьи самой жуткой за всю войну.

В те военные годы я получил, как ни странно, и позитивный опыт. Хотя я и был совсем маленьким, меня посылали работать на поле крестьянина, у которого наша семья нашла приют. Как мне это нравилось! Такой привольный, такой здоровый труд! В десять лет я очень пристрастился к работе на земле! Я не мог себе представить, что можно заниматься в жизни чем-то другим.

Да и в Модене, мы ведь жили, хоть и в городской квартире, все же на окраине, поблизости от деревенских домов, так что я рос среди людей, занимавшихся земледелием. С той поры у меня уже появилась склонность к нему. И возможность работать на земле как раз в том возрасте, когда впечатления особенно сильны, оказалась исключительно важна для меня.

Мои моденские друзья рассеялись по свету. Я не представлял, куда они подевались. Но у «нашего» крестьянина росло четверо детей, а в соседнем деревенском доме еще четверо мальчиков и две девочки. Тогда я легко завязывал дружбу со всеми. Думаю, что на всю жизнь сохранил это свойство характера.

Другая сторона сельской жизни, которая невероятно нравилась мне, это общение с животными. В девять лет я видел, как все они спариваются – быки, петухи, кабаны, кролики,

кони... Я мог бы описать брачный ритуал каждого из домашних животных. Ребенку все это представляется просто очаровательным.

Сейчас детям многое объясняют о сексе, еще в детском саду, так что в мои девять лет, пожалуй, было бы уже поздновато приобретать первые сведения в подобной области. Вполне возможно, что мое половое воспитание оказалось несколько запоздалым, зато оно, несомненно, прошло вполне естественно и без всяких нравоучений.

Думаю, деревенская жизнь, к тому же, в возрасте, особенно важном для развития ребенка, определенно повлияла на мой характер.

Бесспорно, я очень привязан к земле. Как бы мне ни удавалось раскрыть характеры вердиевских героев или удачно исполнить полутоновые гаммы Россини, сколько бы ни встречался я с самыми образованными и интересными людьми во всех концах света, «деревенская» основа неотделима от меня. Это главное, что привязывает меня к жизни, это основа, которая не имеет ничего общего со всеми «напластованиями» цивилизации. Конечно, я надеюсь, что меня можно назвать человеком цивилизованным, но я ни в коей мере не хочу утрачивать приобретенное во время войны в Карпи.

Недавно я купил и привел в порядок большой дом на окраине Модены на участке в пять акров – это хорошая, обработанная земля. И предвкушаю то время, когда смогу трудиться на ней. В более или менее отдаленном будущем, когда не придется чересчур заботиться о верхнем «до» или когда вообще уже не смогу взять его, утешу себя тем, что люблю больше всего, – буду трудиться на земле.

Время, когда мы жили в деревне, прошло удивительно спокойно, лишь по ночам ни у кого из нас не возникало сомнения, что вокруг бушует война. И не только потому, что в темноте постоянно звучали автоматные очереди.

К нам в дом часто приходили за продуктами и лекарствами партизаны. Мы помогали им, и они тотчас исчезали в ночи, а поутру являлись немцы и спрашивали, не видели ли мы «бандитов»... Конечно, обращались они с нами не самым галантным образом. Шла опасная, изматывающая нервы игра.

Чем ближе к концу войны, тем сложнее складывалась обстановка на севере Италии, и для нас все оборачивалось весьма скверно. В августе 1944 года союзники вошли во Флоренцию, но десять месяцев, которые еще оставались до окончательного разгрома немцев, оказались самыми тяжелыми для всех, кто жил при оккупационном режиме.

Партизаны набирались опыта и действовали все активнее. В некоторых провинциях они полностью контролировали положение. Зато там, где еще хозяйничали немцы, населению доставалось от нацистов все больше и больше.

Немцы не знали чувства жалости. Самые страшные репрессии выпали на долю нашей провинции Марцаботто, где они расстреляли тысячу восьмьсот тридцать мирных жителей. Это произошло всего в сорока километрах от Модены.

Никогда в жизни я не видел ничего более ужасного, а ведь и раньше судьба не щадила меня, и мне довелось видеть немало страшных картин: трупы зверски убитых людей, которых я знал... Никого из родственников, слава Богу, среди них не оказалось, но это были люди, чьи лица так хорошо знакомы мне. Однажды я наткнулся на мертвого соседа, лежавшего посреди улицы. Многих других несчастных я видел повешенными на фонарях и оградах. Это далеко не отрадный опыт, когда тебе всего девять лет.

Совсем маленький ребенок практически не понимает, что такое смерть. Он играет со своим игрушечным пистолетом: «Бах, бах, ты убит!» – но не сознает того, что говорит. И только подрастая, он начинает понимать, что это означает. Но его представление о смерти все равно сильно отличается от знания взрослого человека. В каком-то смысле, я думаю, у него оно более философское. Ребенок воспринимает смерть и другие жизненные катастрофы спокойнее. Он способен рассматривать гибель чужих людей как проявление судьбы.

Подобное происходит, наверное, потому, что мир детства, тот, который для него действительно важен, очень узок и состоит из неизменных величин – родители, бабушка с дедушкой, братья и сестры... И даже массовые убийства во время войны могут произвести на ребенка не столь страшное впечатление, как на взрослого.

Я понял, что такое смерть, когда впервые увидел трупы на улицах Модены. Мне исполнилось девять или десять лет, возраст, когда я начинал, видимо, приобретать более реальное представление о действительности.

Это оказалось настолько ужасно, что мне стало плохо. Я внезапно повзрослел. Я понял, с какой легкостью может быть уничтожена жизнь, как быстро она может оборваться. Вот отсюда, я думаю, и произрастает мое безграничное жизнелюбие.

Это самый глубокий след, какой война оставила в моем сознании. Сам я дважды находился очень близко от смерти. И оба случая – первый, когда я тяжело заболел в двенадцать лет, и второй – авиакатастрофа в декабре 1975 года – усилили мое уважение к жизни и упрочили понимание, сколь она драгоценна. Но главное отношение к ней возникло и сложилось именно тогда, в те последние, ужасные месяцы Второй мировой войны.

В последние дни войны, когда фашисты уже потерпели полный крах, партизаны стали еще сильнее и взяли власть в свои руки. Мстили ужасно. Люди дали волю своим страстям, и город охватил террор, который грозил принести больше жертв и разрушений, чем собственно война. Вот почему Модена с такой радостью встретила американцев.

Прекрасно помню этот день. Когда грузовики и танки США появились на улицах нашего города, все едва с ума не посходили от радости. Никогда больше не видел я такого всеобщего ликования. Мы были счастливы, что нас освободили не только от немцев, но и от самих себя – одних от других.

Так или иначе, но еще до прибытия американцев Фронт национального освобождения прекрасно управлял городом, обеспечивая жителей самым необходимым. Разумеется, недостаток ощущался во многом, но при общем чувстве облегчения – война ведь кончилась! – небольшие неудобства не в тягость.

Мне едва исполнилось девять лет, когда освободили север Италии, так что мое детство еще не окончилось. Я не замедлил с головой уйти в свои любимые занятия: прежде всего, конечно, в футбол, гоняя мяч во дворах и на площадках возле домов.

Школа никогда не доставляла мне проблем. Учился я хорошо, хотя и прилагал для этого минимум усилий. Я был очень внимателен на уроках, потом немного занимался дома, а большего мне и не требовалось, чтобы получать хорошие отметки. И в старших классах я тоже придерживался такой методы и не испытывал никаких трудностей. А начальная школа – это вообще пустяк.

Вскоре я начал участвовать в нашем церковном хоре. Вечером мы отправлялись туда вместе с отцом петь вечерню, духовные сочинения старинных композиторов – Вивальди, Палестрины и других. Голос у меня звучал красиво, но солистом, маленькой звездой стал другой мальчик. Хочется думать, что причина здесь только в том, что у меня оказалось контральто, а у него – сопрано. Все сольные партии в церковной службе, как известно, пишутся для сопрано.

Тем не менее, я тоже добился успеха. Мальчик-сопрано как-то заболел, и меня попросили спеть партию солиста. Наверное, тогда и состоялось мое первое публичное выступление. Регистр оказался слишком высоким для моего голоса. Я едва не задохнулся. Чувствовал себя ужасно. И если бы кто-нибудь сказал тогда, что мне предстоит всю жизнь брать верха, думаю, я набросился бы на него с кулаками.

Наша небольшая церковь носила имя святого покровителя Модены Сан-Джеминьяно. Я храню чудесные воспоминания о ней и о том времени. Иногда, приезжая в Модену после

гастролей в разных концах света, заглядываю в это святилище, чтобы осмотреться и вспомнить былое.

Подрастая, я все чаще стал посещать центр города и полюбил его так же, как и свой квартал Сан-Фаустино. Каждому итальянцу знакомо это чувство. У родного города всегда есть свои особенности, каких не найдешь ни в каком другом месте на земле.

У моденцев – это наша необыкновенная кухня, например, или наше вино – ламбруско, изумительный романский собор с его столь же изящной, сколь и величественной колокольной, возвышающейся над центром города, или бесчисленные портики, под которыми так приятно прогуливаться в дождливую погоду.

Все родное становится дорогим, сливается со всей твоей жизнью. Если воспоминания о детстве счастливые, как у меня, тогда любовь к своему прошлому связывается с улочками, портиками, древними камнями твоего города.

Некоторые ругают климат Модены – слишком холодно и дождливо зимой, чересчур жарко летом – или недовольны тем, что город находится вдали от моря и гор, на равнине с сельскохозяйственными землями.

Да-да, возможно, и есть у Модены свои недостатки. Но если вы настоящий моденец, как и я, то любите этот город, как любят дорогого человека, – безоглядно, без осуждений, без сравнений.

Мне исполнилось лет двенадцать, когда в наш город приехал выступать в театре «Комунале» Беньямино Джильи. Он тогда по праву считался самым знаменитым тенором на свете. Я многие годы слушал его пластинки, не раз игранные и заигранные моим отцом, поэтому меня особенно взволновало столь выдающееся событие. Я отправился в театр и узнал, когда Джильи придет на репетицию. В названное мне время я снова пришел в театр, и меня пропустили в зал, поняв, очевидно, по моему виду, что я не собираюсь мешать певцу.

Джильи исполнилось тогда почти шестьдесят лет, но пел он бесподобно. Я слушал целый час его вокализы, а потом, когда он закончил, переполненный восхищением, бросился к нему и сообщил великую новость – я тоже хочу стать тенором!

Город Модена на севере Италии – родина великого тенора.

...если вы настоящей моденец, как и я, то любите этот город, как любят дорогого человека, ~ безоглядно, без осу ведений, без сравнений.

Джилли отнесся ко мне очень приветливо, ласково потрепал по голове и сказал:

– Молодец, молодец, мальчик. Похвальное желание. Только придется много работать.

– А вы долго учились? – спросил я, стараясь продлить беседу.

– Ты слышал, я упражнялся и сейчас. Только что закончил... на сегодня. Так что учусь до сих пор, понимаешь?

Не могу передать впечатление, какое произвели на меня его слова. Это же был тенор с мировой славой, и, тем не менее, он продолжал совершенствовать свое искусство. Я думаю об этом и сегодня и надеюсь, что тоже, как и он, никогда не утрачу желания стремиться к лучшему.

Действительно ли я хотел стать тенором тогда, в двенадцать лет? Нет, должен признаться, я не думал об этом серьезно. Просто увлекся, восхитился столь сказочным голосом, восторгался оттого, что видел так близко соотечественника, прославившегося на весь мир.

Но если говорить о пылком желании посвятить себя его искусству, то должен признаться, что будь Джилли футболистом и мне представился бы случай поговорить с ним, я с таким же порывом заявил бы ему о своем самом большом желании – стать профессиональным игроком в футбол. И точно так же глубоко верил бы в свои слова.

Конечно, дома я без конца слушал пластинки с записями великих теноров, но в таком юном возрасте как мог я всерьез думать о соперничестве с ними? Помимо того, Господь Бог мог ведь сделать меня и басом?

А несколько месяцев спустя случилось ужасное. Я сидел за ужином вместе со всей семьей, как вдруг почувствовал, что у меня отнялись ноги. Меня уложили в постель – поднялась очень высокая температура, а через некоторое время я впал в кому.

Никто так никогда и не смог понять, что же произошло. Говорили, будто меня сразила какая-то инфекция, попавшая в кровь. Это случилось в 1947 году, и мне раздобыли только что открытый пенициллин, но и это чудо науки не помогло. Все сильно сомневались, что я выживу. Кто-то стоявший у изголовья спросил у моей матери, как дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.